

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-392-403

Научная статья

Великодержавная конкуренция в Арктике: геополитическое соперничество в новом политическом пространстве

М.А. Никулин

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Research article

Great Powers' Competition in the Arctic: Geopolitical Rivalry in the New Political Space

M.A. Nikulin

RUDN University, Moscow, Russian Federation

За последние несколько десятилетий в Северном Ледовитом океане произошло быстрое сокращение как протяженности, так и количества морского льда. Эти события, вызванные глобальным ростом температуры, открыли новые морские судоходные пути и сделали возможной добычу природных ископаемых из месторождений, ранее недоступных. Такие изменения повлекли за собой рост активности государств как относящихся к Арктическому региону, так и находящихся вне его, что привело к постепенному нарастанию соперничества между ключевыми державами за освоение ресурсов в Арктике и за контроль над судоходными путями.

Автор показывает, что в Арктике, в отличие от других регионов мира, сложилась уникальная обстановка, которая обусловлена взаимозависимостью всех акторов, что связано с особой экологической ситуацией в регионе и общностью как экономических, так и общественных интересов.

Автор анализирует, каким образом взаимодействие между великими державами сказывается на Арктическом регионе. На примере российско-американских отношений, которые являются ключевыми в рамках Арктики, автор показывает, что, несмотря на растущее соперничество между двумя государствами, имеющаяся в регионе институциональная база сотрудничества оказывает смягчающее влияние. На этом фоне растет и интерес другой великой державы к этому региону — КНР. В отличие от РФ и США, Китай придерживается неконфронтационного пути в своей деятельности в Арктическом регионе, выступая за сохранение мира и стабильности в нем, что связано с природно-ресурсным потенциалом Арктики и возможностями использования Северного морского пути. В результате соперничество государств в северных широтах можно назвать подобием холодной войны в региональном масштабе.

Ключевые слова: Арктика, США, Китай, Россия, безопасность, геополитика

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31681 на тему «Основные тенденции формирования многополярного мира».

Для цитирования: Никулин М.А. Великодержавная конкуренция в Арктике: геополитическое соперничество в новом политическом пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 392—403. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-392-403

Abstract. For the past few decades, the Arctic Ocean has experienced a rapid reduction in both the extent and amount of sea ice. These events, caused by global temperature increase, opened previously inaccessible sea shipping lanes and made possible the extraction of natural resources from deposits previously inaccessible. Such changes entailed an increase in the activity of states both belonging to the Arctic region and those outside it — this led to a gradual increase in rivalry between the leading powers for the development of resources in the Arctic and for the control of shipping routes.

© Никулин М.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The author points out that in the Arctic, unlike other regions, a unique situation has developed due to the interdependence of all actors, which is associated with the special environmental conditions and the commonality of both economic and public interests.

The author analyzes the way how the great powers interaction affects the Arctic region. Using the example of the growing Russian-American rivalry being key for the Arctic, the author stresses a softening effect of the institutional regional base. Against this background, the level of interest of another leading power in this region — the PRC — is also growing. Unlike the Russian Federation and the USA, China adheres to the non-confrontational path in the Arctic region, advocating peace and stability strategy, which is associated mainly with the natural resource potential of the Arctic and the possibilities of using the Northern Sea Route. As a result, the rivalry of states in the northern latitudes can be described in terms of the Cold War competition on a regional scale.

Key words: Arctic, USA, China, Russia, security, geopolitics

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project No. 19-011-31681 «Main trends in the formation of a multipolar world».

For citations: Nikulin, M.A. (2019). Great Powers' Competition in the Arctic: Geopolitical Rivalry in the New Political Space. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (3), 392—403. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-392-403

Окончание биполярного противостояния в мире и последовавшая за этим трансформация системы международных отношений оказали существенное влияние на Арктический регион. Акватория Северного Ледовитого океана, десятилетия разделяющая две сверхдержавы — СССР и США, превратилась в пространство для взаимодействия и сотрудничества. Помимо арктических держав, в этих процессах участвовали и приарктические государства, а также внерегиональные страны.

Однако растущая борьба за обладание природными ресурсами, рост противоречий между ведущими государствами мира, а также низкий уровень доверия на международной арене поставили под вопрос установившийся статус-кво в Арктическом регионе.

Особенности Арктики как региона мировой политики

К началу XXI в. Арктика представляла собой регион, в котором произошел переход от конфронтационной модели взаимоотношений между двумя сверхдержавами к системе многополярного сотрудничества как региональных, так и внерегиональных стран с целью достижения регионального мира и стабильности. Помимо общей региональной структуры Арктического региона изменилось и его наполнение — произошел переход от рассмотрения вопросов классического обеспечения государственной безопасности к решению глобальных международных проблем, сконцентрированных на экологической проблематике и вопросах, связанных с добычей природных ресур-

сов. В рамках межгосударственного сотрудничества значимая роль принадлежала научной дипломатии: так, например, в 2010 г. в Лондоне состоялся диалог по вопросам экологической безопасности в Северном Ледовитом океане между РФ и НАТО, прошедший в аполитичном формате, а благодаря работе трех целевых групп, во главе которых находились представители от РФ и США, удалось разработать и принять ряд важных соглашений¹. Однако на фоне событий на Украине и последовавшего за ними роста противоречий между Россией и ее западными партнерами подобное положение дел начало постепенно меняться [Wezeman 2016: 21].

Другие особенности региона связаны с его географическим положением, так как Арктика находится в сложных природно-климатических условиях, что и определяет необходимость сотрудничества в рамках поиска и добычи природных ресурсов, потому что высокую стоимость их освоения и необходимые технологии не может в одиночку обеспечить ни одна страна. В Арктике расположено до 22 % мировых запасов нефти и газа, т.е. где-то около 90 млрд баррелей², а также большие запасы пресной воды и редкоземельных металлов. Через арктические воды проходит крат-

¹ Berkman P.A. Could Science Diplomacy Be the Key to Stabilizing International Relations? URL: <https://theconversation.com/could-science-diplomacy-be-the-key-to-stabilizing-international-relations-87836> (accessed: 01.07.2019).

² Strategic Importance of the Arctic in U.S. Policy. URL: https://fas.org/irp/congress/2009_hr/arctic.pdf (accessed: 01.07.2019).

чайший путь для нанесения ракетно-ядерного удара бывших противников биполярного противостояния — США и РФ: время полета баллистических ракет составляет около 15 минут. Здесь же проходит один из морских транспортных маршрутов — Северный морской путь, который сокращает время доставки грузов из Восточной Азии в Европу, в отличие от маршрутов через Суэцкий или Панамский каналы.

Еще одной особенностью является правовой режим Арктического региона. По мнению Р. Вольфрума, этот уникальный регион может «оказаться лабораторией для нового международно-правового режима» [Wolfrum 2010: 537]. После окончания холодной войны регион стал площадкой для развития многостороннего сотрудничества, в котором принимали и принимают участие региональные и нерегиональные державы, а также организации разного уровня (на региональном уровне — Арктический совет, на субрегиональном уровне — Совет Баренцева / Евроарктического региона, различные межгосударственные организации стран Северной Европы, и др.), НПО (форум «Полярный круг», научные структуры и др.) и представители коренных народов. Так, в рамках ключевой региональной организации — Арктического совета — был подписан ряд важных соглашений: Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике (2011 г.)³, Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике (2013 г.)⁴, Соглашение по укреплению международного арктического научного сотрудничества (2017 г.)⁵. Отдельно можно выделить и инициативы отдельных стран, например, России и Норвегии, по урегулированию спорных вопросов в деле разграни-

чения границ морского пространства в регионе [Зиланов 2017: 36].

Вместе с тем, если обратиться к тексту подписанной по итогам I Конференции по Северному Ледовитому океану 28 мая 2008 г. Илулиссатской декларации, можно обнаружить пункт о том, что необходимость разработки нового всеобъемлющего международно-правового режима для управления Северным Ледовитым океаном отсутствует⁶. Также отмечалось, что все спорные вопросы должны решаться исходя из принятых норм ООН, однако в самом тексте документа не упоминалась Конвенция по морскому праву 1982 г.⁷, что являлось следствием принципиальной позиции американского правительства, не подписавшего данную Конвенцию. При этом сама декларация была подписана без участия трех членов Арктического совета — Исландии, Швеции и Финляндии, которые не являются прибрежными арктическими государствами, а также без участия представителей коренных народов.

По мнению российских исследователей В.Н. Коньшева и А.А. Сергунина, на сегодняшний день среди региональных игроков сложилось молчаливое согласие относительно того, что система арктического управления может иметь многомерную, многоуровневую и необязательно строго формализованную структуру [Коньшев, Сергунин 2018].

В качестве еще одной особенности Арктики как региона мировой политики можно отметить его незначительную чувствительность к конъюнктурным изменениям международно-политической обстановки. Так, например, общее ухудшение отношений между Россией и западными странами, в то же время являющихся арктическими, кардинально не повлияло ни на развитие арктического сотрудничества с РФ, ни на планы военного строительства в регионе [Загорский 2018: 103].

³ Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике. URL: <https://mddoc.mid.ru/api/ia/download/?uuid=110ea6aa-4422-416e-8873-ea9c70a5fa37> (дата обращения: 01.07.2019).

⁴ Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499065181> (дата обращения: 01.07.2019).

⁵ Соглашение по укреплению международного арктического научного сотрудничества. URL: <http://docs.cntd.ru/document/542624227> (дата обращения: 01.07.2019).

⁶ Ilulissat Declaration, Arctic Ocean Conference. Greenland, May 27—29, 2008. URL: https://www.arctictoday.com/wp-content/uploads/2018/05/Ilulissat_Declaration.pdf (accessed: 01.07.2019).

⁷ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 01.07.2019).

Более того, подобная позиция, по сути, является признанием важной роли Российской Федерации в рамках деятельности и освоения ресурсов в Арктическом регионе — как было справедливо отмечено еще в советское время экспертами ИМЭМО по вопросу об особых правах и интересах приарктических государств: «...Основу особых прав составляет исторически сложившееся положение, берущее начало в исследовательской и хозяйственной деятельности русских ученых и предпринимателей в Арктике»⁸.

В итоге мы можем сделать вывод, что сегодня Арктика представляет собой регион, в котором произошел переход от конфронтационной модели взаимоотношений между двумя сверхдержавами к системе многополярного сотрудничества как региональных, так и внерегиональных стран с целью достижения регионального мира и стабильности. Помимо общей региональной структуры Арктического региона изменилось и его наполнение — произошел переход от рассмотрения вопросов классического обеспечения государственной безопасности к решению вопросов, связанных с новыми вызовами и угрозами международной безопасности и сконцентрированных на решении экологических проблем, а также вопросов, касающихся добычи природных ресурсов.

Особенности мирополитического регулирования в Арктике

Тем не менее, в сложившейся ситуации есть ряд минусов: отсутствие как правовой основы, так и правоприменительной практики и взаимных обязательств накладывает ограничения на эффективность действующей системы многостороннего сотрудничества в Арктическом регионе [Wegge 2011: 166]. С точки зрения неореалистического подхода в теории международных отношений (ТМО), существование подобного режима взаимодействия в Арктике определяется стремлением великих держав обеспечить свои национальные интересы, что подталкивает их к такому компромиссному разделению полномочий и обязанностей в регионе. В данном случае проблематично ис-

пользовать подходы либеральных школ ТМО, так как, несмотря на наличие межгосударственного сотрудничества, большого количества институтов разного уровня и характера, как уже было отмечено выше, в регионе отсутствует четкая правовая база взаимодействия между ключевыми акторами [Pawlusko 2012: 120].

В этой связи можно обратить внимание на одну из ключевых организаций в Арктическом регионе, на которой базируется современный механизм регионального управления — Арктический совет. Данная организация была создана в 1996 г. как логический итог первых шагов построения новой постбиполярной реальности в Арктике, начатой с подписания Декларации по стратегии защиты окружающей среды Арктики в 1991 г. Арктический совет по факту представляет собой форум, лишенный взаимных правовых обязательств. Более того, являясь ключевым механизмом в рамках современного межгосударственного взаимодействия в Арктическом регионе, Совет ответствен только за сферы экономического развития (транспорт, логистика, инфраструктура и т. д.), защиту окружающей среды и сотрудничество в таких сферах, как пограничный контроль, предотвращение радиоактивного загрязнения, усилия по оказанию помощи в преодолении последствий стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций, и др. Вопросы, касающиеся военно-технического и военно-политического характера, находятся вне его юрисдикции, и ряд экспертов считают, что Арктическому совету необходимо адаптироваться под меняющуюся обстановку [Kankaanpää, Young 2012: 12]. Поэтому, с одной стороны, по словам адмирала ВМС Норвегии Х.Б. Ханссена, Арктика является, вероятно, самой стабильной областью в мире [McKellar 2018], а с другой — нельзя отрицать развитие в регионе военной инфраструктуры и экспедиционных возможностей отдельных арктических стран [Gramer 2017].

Влияние российско-американских отношений на Арктический регион

Ряд исследователей полагают, что существующее положение дел в Арктическом регионе регулируется и основывается на иных критериях, не связанных ни с военно-стратегическим потен-

⁸ Международное положение в Арктике и интересы СССР // Совмин СССР, Госкомиссия по делам Арктики. Архив ИМЭМО, 1988. С. 2.

циалом арктических стран, ни с системой многостороннего сотрудничества, установившейся в Арктике с конца XX в. По мнению китайского исследователя Д. Бэйси, в некотором смысле существующий международный режим в Арктике и его повестка дня могут рассматриваться как продукт развития американо-российских

отношений после холодной войны [Beixi 2016: 210]. В его основе — колеблющиеся от сотрудничества к конфронтации двусторонние российско-американские отношения, а также конкуренция между РФ и США в вопросах безопасности и отсутствие доверия между сторонами (табл. 1).

Таблица 1

Влияние российско-американских отношений на Арктический регион

Период	Состояние двусторонних отношений	Влияние на Арктический регион	Дополнительные факторы
1867—1890 гг.	Сотрудничество	Россия продает Аляску США	Великобритания — общий соперник
1890—1921 гг.	Конфронтация	Высадка американских войск в Архангельске — военное вмешательство США в Гражданскую войну в России	Борьба с большевиками
1921—1945 гг.	Сотрудничество	Перевозка военных и гуманитарных грузов по Северному морскому пути для поддержки СССР в борьбе с нацистской Германией и ее союзниками	Союзники в рамках Второй мировой войны
1945—1987 гг.	Конфронтация	Арктика как стратегический рубеж для развертывания объектов ядерного сдерживания	Соперничество в рамках холодной войны
1987—2014 гг.	Сотрудничество	Сотрудничество в Арктике в неполитических сферах, так как обе стороны не смогли избавиться от наследия холодной войны	Потепление в отношениях
С 2014 г.	Конфронтация	Восприятие деятельности РФ в Арктике как деятельности КНР в Южно-Китайском море, обвинения в односторонней милитаризации региона	Рост противоречий в Арктическом регионе

Источник: подготовлено автором на основе данных из статьи: Beixi D. Arctic Geopolitics. The Impact of U.S.-Russian Relations on Chinese-Russian Cooperation in the Arctic // Russia in Global Affairs. 2016. Vol. 14. No. 2. P. 206—220.

Table 1

The Impact of Russian-American Relations on the Arctic Region

Years	State of bilateral relations	Impact on the Arctic region	Factors for tension
1867—1890	Cooperation	Russia sells Alaska to the U.S.	Great Britain is a mutual opponent
1890—1921	Confrontation	Landing of American troops in Arkhangelsk — US military intervention in the Civil War in Russia	Resistance to the rising communist regime
1921—1945	Cooperation	Shipment of military and humanitarian cargoes by the Northern Sea Route to support the Soviet Union in fighting Germany and his allies	Allies in World War II
1945—1987	Confrontation	The Arctic as a strategic frontier for deployment of army units and nuclear deterrence facilities	Rivalry for world hegemony during the Cold War
1987—2014	Cooperation	Cooperation in the Arctic beyond the big politics sphere; parties have failed to get rid of Cold War legacy	A thaw in relations
Since 2014	Confrontation	Perception of the activities of the Russian Federation in the Arctic as the activities of China in the South China Sea, accusations of unilateral militarization of the region	Growth of contradictions in the Arctic Region

Source: prepared by the author based on the data from the article: Beixi D. Arctic Geopolitics. The Impact of U.S.-Russian Relations on Chinese-Russian Cooperation in the Arctic // Russia in Global Affairs. 2016. Vol. 14. No. 2. P. 206—220.

Здесь также следует отметить, что, несмотря на растущую важность Арктического региона в международных отношениях, сам по себе он оказывает ограниченное влияние на взаимоотношения между государствами на глобальном уровне, а также подвержен влиянию извне. В этом ключе можно выделить упомянутые выше события на Украине в 2014 г. По мере роста российско-американских противоречий на международной арене в связи с ними начало сказываться и их побочное влияние на Арктический регион, что отразилось, в первую очередь, на таких видах сотрудничества, как совместная разработка месторождений полезных ископаемых, проведение научно-исследовательских и поисково-спасательных работ.

В частности, США отменили совместные поисково-спасательные учения Береговой охраны и Пограничной службы ФСБ РФ [Веіхі 2016: 212]. В обновленном списке санкций США и ЕС против России упоминается экономически значимый энергетический сектор, поскольку западные страны отказались передавать России технологии глубоководного бурения, разведки нефтяных месторождений в Арктике и добычи сланцевой нефти. Они также накладывают ограничения на инвестиции и финансирование российских нефтегазовых проектов.

Межгосударственные отношения в Арктике в определенной степени отражают американо-российские отношения на мировой арене. Однако институциональные механизмы сотрудничества в Арктике, созданные после окончания холодной войны, постепенно стали функционировать в качестве «буфера» или «системы безопасности» для Арктики, защищая ее от влияния внешних факторов. Эти механизмы включают в себя Арктический совет, единственный многосторонний режим регионального управления, охватывающий все арктические государства, а также субрегиональные группы, такие как Совет Баренцева / Евроарктического региона, Скандинавский совет, Северный форум и Северное измерение. Кроме того, существует несколько двусторонних или многосторонних договоров и соглашений, которые предусматривают практическую деятельность в Арктике: в поисково-спасательных операциях, регулировании рыболовства и др.

Эти механизмы способны, прежде всего, сгладить влияние американо-российской напряженно-

сти на сотрудничество в Арктике и служат напоминанием двум странам о том, что они должны участвовать в урегулировании насущных проблем только в качестве региональных игроков. Ряд приглашений о создании механизмов решения проблем Арктики способствует диалогу по вопросам безопасности. Они также помогают достичь консенсуса о том, что региональный мир и стабильность приносят пользу всем и ограничивают побочные эффекты глобальной геополитической напряженности в Арктическом регионе. Другими словами, Арктика не должна участвовать в большой политике, оставаясь областью сотрудничества, а не полем для конфронтации. Поэтому некоторые эксперты, например российский исследователь А.Г. Савойский, считают: «Весьма полезным в развитии российско-американских, в том числе экономических, отношений может стать стратегическое сотрудничество России и США в освоении природных богатств Российского Севера» [Савойский 2012: 58].

Другая цель этой системы — удержать региональные державы от безрассудных действий и побудить их не участвовать в военных играх в Арктическом регионе. Для США, которые не планируют тратить много денег на оборону и безопасность в Арктике, вмешательство НАТО в вопросы безопасности Арктики во имя территориальной обороны или готовность реализовать планы действий в чрезвычайных ситуациях в случае военных сценариев (например, ответ на украинские события) рассматривается как менее дорогой и выполнимый вариант.

Однако это неизбежно приведет к конфронтации между Востоком и Западом в духе холодной войны. Возможность вступления Швеции или Финляндии в НАТО также нарушит региональный баланс сил. Россия будет вынуждена принять контрмеры, и есть риск, что США не захотят с этим мириться. Что касается вмешательства НАТО в арктические дела, Россия и такой член НАТО, как Канада, не согласны с Североатлантическим альянсом по поводу этой перспективы, причем Канада утверждает, что Арктика может независимо регулироваться арктическими государствами и что ее проблемы должны решаться в рамках Арктического совета и Конвенции ООН по морскому праву без участия НАТО.

Наконец, по мере того как стратегическое значение Арктики в мире возрастает, геополити-

тические изменения за пределами Арктического региона, такие как украинский кризис, продолжают косвенно влиять на регион. Принимая во внимание механизмы регионального управления, согласованный консенсус и сотрудничество, а также растущую независимость и исключительность регионального развития, американо-российские отношения в Арктике больше не являются упрощенным отражением их отношений на мировой арене. Структурный межгосударственный конфликт и внутреннее соперничество ограничивают всестороннее сотрудничество между этими двумя странами в Арктике. На этом фоне свое северное направление внешнеполитической деятельности активизирует КНР.

Интересы Китая в Арктике

Говоря об интересах Китая в Арктическом регионе, мы можем выделить три ключевые составляющие — безопасность, ресурсы и науку. Остановимся подробнее на безопасности, которая включает в себя ряд аспектов, отражающих традиционные проблемы, относящиеся как к восходящим, так и к великим державам. В первую очередь, это обеспечение морских коммуникаций (Sea lines of communication, SLOCs), проецирование силы как морской державы и укрепление обороны. С точки зрения нетрадиционной безопасности, интересы Китая в экономической и стратегической науке в полярных регионах также требуют стабильной и мирной политической обстановки в Арктике, где интересы Китая защищены и могут процветать. Все эти категории являются как отдельными, так и взаимосвязанными и отражают новую геополитику нынешней эпохи, в которой поддержание глобальной связи и сотрудничества столь же ценно, как и доминирование над одним географическим регионом.

В отличие от арктических государств, у Китая нет территориального суверенитета и связанных с ним суверенных прав на добычу ресурсов и рыболовство в Арктике. Столкнувшись с очень ограниченными правами в качестве неарктического государства, Китай стремился разработать стратегии для преодоления растущего разрыва между правовыми и институциональными ограничениями в Арктике и его растущими арктическими интересами. Данные стратегии отражают устойчивый переход Пекина к проектированию

военной мощи во всем мире, один из традиционных индикаторов великой державы.

По мнению зарубежных исследователей, события 2007 г., когда российская экспедиция установила флаг на дне арктического шельфа, повлияли на формирование геополитических интересов Китая в Арктическом регионе [Jakobson, Peng 2012: 5]. Однако нельзя отрицать, что Китай не присутствовал в Арктике до этого периода — основное отличие заключается в том, что на современном этапе в эту активность больше вмешивается государство, хотя раньше это место занимало научное сообщество.

Современный этап деятельности КНР в Арктике начался в 1990 г., когда китайские ученые возобновили свое участие в научных исследованиях Северного полюса [Stensdal 2013: 5]. В 1993 г. китайское правительство приобрело у Украины многоцелевое ледокольно-транспортное судно усиленного ледового класса типа «Витус Беринг», которое было заложено на Херсонском судостроительном заводе, достроило его как ледокол, получивший название «Снежный дракон». Другая группа китайских ученых с журналистами на буксире посетила Арктику в 1995 г. [Stensdal 2013: 6], и в том же году Академия наук Китая создала Комитет по полярным наукам. В 1999 г. китайский ученый Сюэ Лун отправился в первое научное путешествие по Арктике, пройдя маршрутом из Берингова в Чукотское море. В 2004 г. Китай создал новый полярный исследовательский центр — Арктическую станцию Хуанхэ в Нью-Олесунне, центре международных арктических исследований на Шпицбергене [Chen 2012: 360].

В 2006 г. в XI пятилетний план Китая впервые была включена программа развития научных исследований в полярных областях. Для КНР Арктика представляет собой потенциальный источник ресурсов для растущей национальной экономики, место для ведения научно-исследовательской деятельности, а также новый судоходный маршрут, который способен сократить время, необходимое для грузов, идущих в Европу, а также позволяющий избежать попадания в проблемные воды Ближнего Востока (в частности Аденский залив). В 2007 г. КНР получила статус временного наблюдателя в Арктическом совете, а в 2013 г. — постоянного [Babin, Lasserre 2019:

151]. В 2011 г. заместитель директора Государственного океанологического управления (ГОУ) Чэнь Ляньцзэн заявил, что ключевой задачей пятилетнего плана является увеличение статуса и влияния Китая в полярных делах для лучшей защиты интересов КНР в Арктике и Антарктике⁹.

В 2009 г. в рамках Министерства иностранных дел Китая был создан Департамент по пограничным и океанским вопросам, в задачи которого входит формулирование идей для внешнеполитического курса КНР, связанных с сухопутными и морскими границами, а также способствование дипломатической работе на данном направлении. В том же году заместитель директора Государственной океанической администрации КНР (СОА) Чэнь Ляньцзэн объявил, что арктическая стратегия Китая направлена на укрепление мягкой и жесткой силы Китая и что Китай готов стать «великой арктической державой»¹⁰.

Таким образом, в отличие от США и РФ, Китай начал свое проникновение в Арктический регион намного позднее и через активизацию научно-исследовательской деятельности. С ростом его возможностей и потребностей в энергетических ресурсах Пекин начал рассматривать Арктический регион в том числе и с точки зрения его экономического, ресурсного и транзитного потенциала. К началу XXI в. китайцы проделали большую работу по изучению региона и созданию масштабной институциональной базы, которая способствовала повышению активности КНР в регионе.

В 2013 г. Пекин сделал заявление, что целью Китая является стать великой полярной державой в рамках развивающейся морской стратегии Пекина. Затем в своей речи в Хобарте (Австралия), в ноябре 2014 г. Генеральный секретарь Коммунистической партии Китая (КПК) Си Цзиньпин впервые использовал термин «великая полярная

державы»¹¹. Он заявил, что из-за глубоких изменений в международной системе и беспрецедентного уровня экономического развития Китая за последние 20 лет Китай скоро вступит в ряды великих полярных держав. После этой речи пространство Арктики было официально включено в «Новый шелковый путь» Китая. По мнению российских исследователей В.С. Ягья, Н.К. Харлампьевой и М.Л. Лагутиной, именно Северный морской путь (СМП) является ключевой составляющей китайских интересов в регионе в рамках инициативы «Один пояс, один путь» [Ягья, Харлампьева, Лагутина 2015: 49].

Обретение статуса великой полярной державы сейчас является одним из ключевых компонентов новой морской стратегии Пекина. В связи с этим деятельность Китая в Арктике адаптируется к новым экономическим условиям, однако нельзя отрицать достижения последних нескольких лет. В ближайшие 5 лет в план полярных экспедиций Китая будут внесены следующие изменения: усиление акцента на национальных стратегических приоритетах в полярных исследованиях в области естественных наук и переход от использования полярного оборудования иностранного производства к оборудованию китайского производства¹².

В сентябре 2012 г. китайский ледокол «Снежный дракон» совершил свой пятый визит в воды Арктики, используя маршрут Северного морского пути, пройдя через Тихий океан и вернувшись в Шанхай через Атлантику. Помимо этого в 2012 г. китайский предприниматель Хуан Нубо попытался и не смог купить участок отдаленной исландской сельскохозяйственной земли для строительства роскошного отеля и эко-курорта; в 2014 г. он хотел купить землю на Шпицбергене и ему наконец-то удалось приобрести огромный участок земли в Тромсё (Норвегия). Интересы китайских предпринимателей в покупке участков на территории приарктических стран вызывают

⁹ Wo guo xinjin jidi kexue kaocha pobingchuan lizheng 2013 nian touru shiyong [Our New Polar Expedition Icebreaker Should Be Ready by 2013] // Xinhua June 22, 2011. URL: http://news.xinhuanet.com/tech/2011-06/22/c_121566754.htm (accessed: 01.07.2019).

¹⁰ Zhongguo Nanji kaocha 25 zhounian: Heping liyong nanji yong buguo shi [25 Years of Antarctic Expeditions: Peaceful Use of Antarctica Never Dates] // Xinhua. October 14, 2009. URL: http://news.xinhuanet.com/tech/2009-10/14/content_12232453.htm (accessed: 01.07.2019).

¹¹ China Wants to Be a Polar Power // The Economist. April 14, 2018. URL: <https://www.economist.com/china/2018/04/14/china-wants-to-be-a-polar-power> (accessed: 01.07.2019).

¹² The 13th Five-Year Plan for Economic and Social Development of the People's Republic of China (2016—2020). URL: <http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201612/P020161207645765233498.pdf> (accessed: 01.07.2019).

критику со стороны США, а в отдельных случаях и скандалы в двусторонних отношениях, что произошло в случае с США и Данией, когда Вашингтон предложил приобрести о. Гренландия¹³. Подобная идея была логическим продолжением неоднократных попыток США получить контроль над данным островом, особенно в XX в. [Емельянцева 2014: 105].

В 2013 г. ледокол «Снежный дракон» и два контейнеровоза, которые принадлежали крупнейшему в мире контейнерному оператору китайской кампании COSCO Group, успешно совершили переход по Северному морскому пути, причем торговые суда прошли маршрутом из порта Дальянь в Роттердам. По итогам этого перехода в 2014 г. в Пекине было разработано и выпущено Навигационное руководство для судоходства по Северному морскому пути¹⁴.

Еще одним событием, которое, с одной стороны, стало показателем растущего интереса КНР к Арктике, а с другой — ростом военно-морских возможностей Китая, стало проникновение 5 кораблей ВМФ КНР (3 надводных, 1 десантного, 1 корабля снабжения) в территориальные воды США вблизи Аляски, о чем сообщал Пентагон 2 сентября 2015 г.¹⁵ Это стало первой в истории Китая отправкой военных судов в арктические воды, произошедшей в преддверии крупнейшего военного парада в КНР и визита президента США Б. Обамы на Аляску 31 августа 2015 г., где он планировал анонсировать новую арктическую политику США [Brady 2017: 35]. В августе 2016 г. КНР объявила о планах постройки атомных ледоколов, а 21 октября 2016 г. было официально заявлено, что КНР приступила к постройке второго ледокола — «Снежного дракона — 2», спро-

ектированного при участии финской компании Aker Arctic Technology¹⁶. 11 июля 2019 г., в День моря (праздничная дата введена Госсоветом КНР в 2005 г. в честь 600-летия экспедиций адмирала эпохи династии Мин Чжэн Хэ), «Снежный дракон — 2» был официально спущен со стапелей¹⁷.

К 2018 г. в Пекине сформировались основы его арктической стратегии — 20 июня 2017 г. был выпущен документ «Концепция сотрудничества на море в рамках инициативы Пояса и Пути»¹⁸, в котором были обозначены пути и планы развития Морского Шелкового пути. Среди них указывалась необходимость развития торгово-экономического маршрута, который связывал бы Европу и Тихий океан через Северный Ледовитый океан. При этом отмечалось, что Пекин настроен именно на сотрудничество со странами Арктического региона — это касается как научных исследований, так и освоения природных ресурсов в регионе и коммерческого использования транзитных маршрутов.

В итоге первая Белая книга об арктической политике Китая¹⁹ была выпущена 26 января 2018 г. В ней делался акцент на том, что Пекин также имеет право на освоение Арктики, ссылаясь на заслуги китайских ученых в его изучении. Китай впервые признает, что его арктические интересы больше не ограничиваются научными исследованиями, но распространяются на различные виды коммерческой деятельности, которые включены в новую инициативу сотрудничества, возглавляемую Китаем. Целью данной инициативы является создание «Полярного шелкового пути» (Ice Silk Road), который соединил бы Китай с Европой через Арктику.

¹³ Changes in the Arctic: Background and Issues for Congress // Congressional Research Service Report. August 2, 2019. P. 64.

¹⁴ См.: Yining P. China Charting a New Course // China Daily. April 20, 2016. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2016-04/20/content_24679000.htm (accessed: 01.07.2019).

¹⁵ См.: Chen A. Chinese Navy Sends Washington a Message by Patrolling near Largest US State Alaska // South China Morning Post. September 4, 2015. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/1855448/chinese-navy-sends-america-message-patrolling-near> (accessed: 01.07.2019).

¹⁶ См.: Nan Z. Deal to Advance Launch of Nuclear Icebreakers. China Starts Construction of 1st Polar Research Icebreaker // China Daily. December 20, 2016. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2016-12/20/content_27726586.htm (accessed: 01.07.2019).

¹⁷ См.: Icebreaker Xuelong 2 Joins Service on China National Maritime Day // Global Times. July 11, 2019. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1157529.shtml> (accessed: 01.08.2019).

¹⁸ Vision for Maritime Cooperation under the Belt and Road Initiative. URL: http://news.xinhuanet.com/tech/2009-10/14/content_12232453.htm (accessed: 01.07.2019).

¹⁹ White Paper China's Arctic Policy 2019. URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed: 01.07.2019).

В Белой книге подчеркивается приверженность Китая делу поддержки институциональной и правовой основы управления Арктикой и уважения суверенных прав арктических государств. Вместе с тем в документе утверждается, что Китай является «околоарктическим государством» (Near-Arctic State), т.е. одним из континентальных государств, наиболее близко расположенных к Арктическому региону. Арктическая политика Китая подразумевает сильное желание интернационализировать региональную систему управления Арктикой.

В отличие от других направлений своей морской деятельности, например в Тихом или Индийском океане, в Арктике китайское правительство действует с позиций неолиберального институционализма, т.е. в первую очередь делает ставку на международное сотрудничество и совместное освоение Арктического региона, его ресурсов и использование транзитных маршрутов. С одной стороны, это связано с концентрацией военноморских интересов Пекина на более южных водах и преимущественным участием в научно-исследовательской деятельности в Арктике, с другой — со сложностью деятельности в арктических водах (как известно, в 2019 г. у Пекина было только два ледохода). Помимо этого в структуре ВМС НОАК отсутствует отдельный флот, в сферу деятельности которого входила бы арктическая зона — самым близким к ней является Северный флот, входящий в Северную зону боевого командования, куда входят Бохайский залив и Желтое море. Северный флот составляют 33 надводных корабля (7 эскадренных миноносцев, 11 фрегатов, 7 корветов, 5 атомных подводных лодок (АПЛ), около 35 дизель-электрических подводных лодок, 5 десантных кораблей, 3 судна снабжения и 40 подводных лодок) [Cole 2001: 82]. Таким образом, с учетом наличия лишь двух ледоколов и устаревших моделей подводных лодок (4 АПЛ проекта «Хань» и одна АПЛ проекта «Ся» были разработаны еще в 1960—1970-е гг.) военноморские силы КНР играют второстепенную роль в деле продвижения китайских интересов в Арктическом регионе. Как уже говорилось выше, основная ставка Пекина делается на сотрудничество со странами региона, а не на одностороннее

отстаивание своей позиции, что он делает в рамках Южно-Китайского моря.

По мнению российских исследователей В.Н. Коньшева и М.А. Кобзевой, усиление активности КНР в Арктическом регионе может играть как положительную, так и отрицательную роль [Коньшев, Кобзева 2017: 3]. В первом случае это может стать одной из причин дальнейшего укрепления сотрудничества между КНР и РФ в рамках добычи ресурсов и развития региональной инфраструктуры. Во втором случае Пекин выступит за дальнейшее развитие прав именно неарктических стран, т.е. за продвижение международного режима управления СМП и применение норм концепции «общего наследия человечества» к Арктике [Brady 2017: 64].

Китайский исследователь Д. Бэйси, напротив, считает, что КНР не стремится к пересмотру существующего арктического порядка и не проецирует свою военную мощь на Арктику [WeiXi 2016: 219]. КНР меньше всего заинтересована в наращивании своего военного потенциала в Арктике, но не только из-за логики взаимного ядерного сдерживания, с которой Китай всегда считался, так как стабильная и мирная Арктика сегодня отвечает интересам Китая, поскольку именно в таких условиях будет сохраняться возможность мирного и стабильного использования СМП. Также необходимо отметить, что сотрудничество между Китаем и Россией в Арктике не предполагает наращивания военной мощи в регионе: так, например, проведение совместных военноморских учений РФ и КНР неподалеку от территориальных вод США в Аляске являлось скорее следствием деятельности США в Южно-Китайском море и не отражало стратегические или военнополитические амбиции Китая в Арктике.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что Арктика представляет собой сложный регион, в котором отсутствует формализованная система управления, опирающаяся на нормативно-правовую базу, как, например, в случае с другой полярной территорией — Антарктидой. Вместо этого положение дел в Арктике обусловлено двумя факторами — существующими механизмами

управления регионом, в первую очередь базирующимися на деятельности Арктического совета, и развитием российско-американских отношений в целом, в рамках которых стоит учитывать как позицию, так и деятельность Китая.

Поступила в редакцию / Received: 01.08.2019
Принята к публикации / Accepted: 24.09.2019

Библиографический список

- Емельянцева М.О. Гренландский вопрос в датско-американских отношениях в 40-е годы XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 1. С. 104—111.
- Загорский А.В. Военная безопасность в Арктике // Безопасность и контроль над вооружениями 2017—2018: Преодоление разбалансировки международной стабильности / отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнова. М.: ИМЭМО РАН, Политическая энциклопедия, 2018. С. 101—112.
- Зиланов В.К. Арктическое разграничение России и Норвегии: новые вызовы и сотрудничество // Арктика и Север. 2017. № 29. С. 28—56.
- Коньшев В.Н., Кобзева М.А. Политика Китая в Арктике: традиции и современность // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 1. С. 77—92. DOI: <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-77-92>
- Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Арктика — 2018: жив ли дух Илулиссатской декларации? // Российский совет по международным делам. 2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arktika-2018-zhiv-li-dukh-ilulissatskoj-deklaratsii/> (дата обращения: 01.07.2019).
- Савойский А.Г. Совместное освоение Арктики как возможность улучшения экономических отношений между Россией и США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2012. № 2. С. 51—59.
- Ягья В.С., Харлампыева Н.К., Лагутина М.Л. Арктика — новый регион внешней политики Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 43—52.
- Babin J., Lasserre F. Asian States at the Arctic Council: Perceptions in Western States // *Polar Geography*. 2019. Vol. 42. Iss. 3. P. 145—159. DOI: <https://doi.org/10.1080/1088937X.2019.1578290>
- Beixi D. Arctic Geopolitics. The Impact of U.S.-Russian Relations on Chinese-Russian Cooperation in the Arctic // *Russia in Global Affairs*. 2016. Vol. 14. No. 2. P. 206—220.
- Brady A.-M. *China as a Polar Great Power*. Cambridge University Press, 2017.
- Chen G. China's Emerging Arctic Strategy // *The Polar Journal*. 2012. Vol. 2. Iss. 2. P. 358—371. DOI: <https://doi.org/10.1080/2154896X.2012.735039>
- Cole B.D. *The Great Wall at Sea: China's Navy Enters the Twenty-First Century*. Annapolis: Naval Institute Press, 2001.
- Gramer R. Here's What Russia's Military Build-Up in the Arctic Looks Like // *Foreign Policy*. January 25, 2017. URL: <https://foreignpolicy.com/2017/01/25/heres-what-russias-military-build-up-in-the-arctic-looks-like-trump-oil-military-high-north-infographic-map/> (accessed: 01.07.19).
- Jakobson L., Peng J. China's Arctic Aspirations // SIPRI Policy Paper. 2012. No. 34.
- Kankaanpää P., Young O.R. The Effectiveness of the Arctic Council // *Polar Research*. 2012. Vol. 31. Iss. 1. P. 1—14. DOI: <https://doi.org/10.3402/polar.v31i0.17176>
- McKellar S. Freezing Hot: Escalating Tensions in the Arctic // *Chicago Journal of Foreign Policy*. 2018. Vol. 2. Iss. 2. P. 358—371. DOI: <https://doi.org/10.1080/2154896X.2012.735039>
- Pawluszko T. Theory of International Relations in Search of the Arctic Situation's Definition. Towards the Perspective of International Regimes // *The Northern Spaces — Contemporary Issues* / Ed. by R.M. Czarny, R. Kubicki, A. Janowska, R.S. Czarny. Warszawa: Kielce, 2012. P. 117—128.
- Stensdal I. Asian Arctic Research 2005—2012: Harder, Better, Faster, Stronger // FNI Report. 2013. No. 3.
- Wegge N. The Political Order in the Arctic: Power Structures, Regimes and Influence // *Polar Record*. 2011. Vol. 47. Iss. 2. P. 165—176. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0032247410000331>
- Wezeman T.S. Military Capabilities in the Arctic. A New Cold War in the High North // SIPRI Background Paper. 2016.
- Wolfrum R. The Arctic in the Context of International Law // *New Chances and New Responsibilities in the Arctic Region* / Ed. by G. Witschel, I. Winkelmann, K. Tiroch, R. Wolfrum. Berlin, 2010.

References

- Babin, J. & Lasserre, F. (2019). Asian States at the Arctic Council: Perceptions in Western States. *Polar Geography*, 42 (3), 145—159. DOI: <https://doi.org/10.1080/1088937X.2019.1578290>
- Beixi, D. (2016). Arctic Geopolitics. The Impact of U.S.-Russian Relations on Chinese-Russian Cooperation in the Arctic. *Russia in Global Affairs*, 14 (2), 206—220.

- Brady, A.-M. (2017). *China as a Polar Great Power*. Cambridge University Press.
- Chen, G. (2012). China's Emerging Arctic Strategy. *The Polar Journal*, 2 (2), 358—371. DOI: <https://doi.org/10.1080/2154896X.2012.735039>
- Cole, B.D. (2001). *The Great Wall at Sea: China's Navy Enters the Twenty-First Century*. Annapolis: Naval Institute Press.
- Emelyantseva, M.O. (2014). The Greenland Question in Danish-American Relations in the 1940s. *Vestnik RUDN. International Relations*, 1, 104—111. (In Russian).
- Gramer, R. (2017). Here's What Russia's Military Build-Up in the Arctic Looks Like. *Foreign Policy*, January 25, 2017. URL: <https://foreignpolicy.com/2017/01/25/heres-what-russias-military-build-up-in-the-arctic-looks-like-trump-oil-military-high-north-infographic-map/> (accessed: 01.07.19).
- Jakobson, L. & Peng, J. (2012). China's Arctic Aspirations. *SIPRI Policy Paper*, 34.
- Kankaanpää, P. & Young, O.R. (2012). The Effectiveness of the Arctic Council. *Polar Research*, 31 (1), 1—14. DOI: <https://doi.org/10.3402/polar.v31i0.17176>
- Konyshev, V.N. & Kobzeva, M.A. (2017). Politics of China in the Arctic: Traditions and Modernity. *Comparative Politics*, 8 (1), 77—92. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-77-92>
- Konyshev, V.N. & Sergunin, A.A. (2018). Arctic 2018: Is the Spirit of the Ilulissat Declaration Alive? *Russian International Affairs Council*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arktika-2018-zhiv-li-dukhlulissatskoy-deklaratsii/> (accessed: 02.07.2019). (In Russian).
- McKellar, S. (2018). Freezing Hot: Escalating Tensions in the Arctic. *Chicago Journal of Foreign Policy*, 2 (2), 358—371. DOI: <https://doi.org/10.1080/2154896X.2012.735039>
- Pawluszko, T. (2012). Theory of International Relations in Search of the Arctic Situation's Definition. Towards the Perspective of International Regimes. In: Czarny, R.M., Kubicki, R., Janowska, A. & Czarny, R.S. *The Northern Spaces — Contemporary Issues*. Warszawa: Kielce. P. 117—128.
- Savoiskii, A.G. (2012). Joint Development of the Arctic as an Opportunity to Improve Economic Relations between Russia and the USA. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2, 51—59. (In Russian).
- Stensdal, I. (2013). Asian Arctic Research 2005—2012: Harder, Better, Faster, Stronger. *FNI Report*, 3.
- Wegge, N. (2011). The Political Order in the Arctic: Power Structures, Regimes and Influence. *Polar Record*, 47 (2), 165—176. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0032247410000331>
- Wezeman, T.S. (2016). Military capabilities in the Arctic. A new Cold War in the High North. *SIPRI Background Paper*.
- Wolfrum, R. (2010). The Arctic in the Context of International Law. In: Witschel, G., Winkelmann, I., Tiroch, K. & Wolfrum, R. *New Chances and New Responsibilities in the Arctic Region*. Berlin. P. 533—543.
- Yag'ya, V.S., Kharlamp'eva, N.K. & Lagutina, M.L. (2015). The Arctic — A New Region of China's Foreign Policy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 1, 43—52. (In Russian).
- Zagorsky, A.V. (2018). Military Security in the Arctic. In: Arbatov, A.G. & Bubnov, N.I. (Eds.). *Security and Arms Control 2017—2018: Overcoming the Imbalance of International Stability*. Moscow: IMEMO RAS, Politicheskaya entsiklopedia publ. P. 101—112. (In Russian).
- Zilanov, V.K. (2017). The Arctic Demarcation of Russia and Norway: New Challenges and Cooperation. *Arctic and North*, 29, 28—56. (In Russian).

Сведения об авторе: *Никulin Максим Андреевич* — ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: nikulin-ma@rudn.ru).

About the author: *Nikulin Maksim Andreevich* — Research Assistant, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: nikulin-ma@rudn.ru).